

Два рубежа одного пространства

Культура. — 1998. — 2-8 апр. — с. 10
Выставки А. Иванова и В. Сурикова в ГТГ

В любой музейной экспозиции заключено некоторое коварство. Как бы она ни строилась — по хронологическому, персоналогическому или другому формальному признаку, — все равно неизбежно рядом оказываются вещи, по простой человеческой логике невозможные рядом. Это существование иногда комично, иногда драматично. Иногда содержательно, иногда вопиюще нелепо. В известном смысле оно подчиняет себе восприятие. Находясь в музее, человек невольно сравнивает то, что сравнивать, может быть, и не следует. А вообще-то почему бы и не сравнивать? В конце концов любой музей сам по себе является произведением искусства, и сопоставление несопоставимого внутри этой системы гармонично, если не по законам истории, то по законам эстетики.

Столкновение эстетик, имен, художественных направлений — вполне эффективный прием формирования выставочной экспозиции. Но еще более интересно получается, когда это не является приемом, но возникает как бы само собой, непреднамеренно. Таким образом, не только обнаруживаются неожиданные связи в искусстве или пойдя не менее неожиданное их отсутствие, но и возникает подлинный, не книжный образ истории искусства, открываются повороты ее вечного сюжета.

Открытые почти одновременно в Третьяковской галерее выставки Александра Иванова и Василия Сурикова — слишком яркий пример таких плодотворных исторических и эстетических контрастов, чтобы можно было пройти мимо него.

Выставка Сурикова, как известно, устроена к 150-летию юбилею художника и получила, можно сказать, прямо-таки экстатический резонанс. Академия художеств России, кажется, готова в самое ближайшее время на каком-нибудь заседании с помощью любезного сердцу президента Церетели открытого голосования объявить Сурикова главным русским художником всех времен и народов, а близлежащие скверы заставить его изваяниями. Мэр Москвы, обнаруживший нетривиальные искусствоведческие способности именно во время закладки камня под одним из гипотетических изваяний, теперь поминает имя художника даже в речах, посвященных новым правилам регистрации приезжающих в столицу граждан. Одним словом, Суриков использован как идеологический символ. Пожалуй, слишком очевидно, почему именно на этого художника пал такой выбор, и рассуждать об этом долго не имеет смысла.

Столь же очевидно и другое. Александр Иванов, чей юбилей отмечается в Третьяковке этажом выше, символом какой-либо идеологии быть в принципе не может. Поэтому и выставка его открылась скромно.

Тем не менее, несмотря на отчетливые различия двух художественных миров, Суриков и Иванов в двух близлежащих экспозициях позволяют увидеть некоторые закономерности развития одного художественного пространства, разные полюсы которого каждый из них олицетворяет. Идея проведения одновременно двух выставок, конечно же, никем не вынашивалась, и произошло все, видимо, случайно, по календарной логике. И это особенно ценно. Конструктивная схожесть экспозиций заключается в том, что ни в одну из них не вошли самые известные, как принято говорить, репрезентативные работы художников. Иванов и Суриков окажутся для современного зрителя похожи хотя бы тем, что их творчество этому зрителю, как выяснилось, очень мало известно. Причем виной тому не запреты или иные объективные препятствия, но лень и нелюбопытство. Иванов для большинства населения — автор пусть гениальной, но единственной картины — «Явление Христа народу», а Суриков — пусть не столь гениальных, но многочисленных: «Боярыня Морозова», «Утро стрелецкой казни», «Степан Разин» и т.д. Посетители выставки (или, скажем, некоторые из них) недоумевают, почему всех этих полотен нет в экспозициях. Между тем если выставкам и замечательны, то это прежде всего отсутствием на них перечисленных работ. Произошло непреднамеренное разрушение мифов, локальных, корпоративных, но весьма устойчивых и очень влиятельных в истории отечественного искусства. Оба художника «являются» зрителю, отбросив идеологические ореолы, все наносное и случайное. Выставки в Третьяковской галерее дают повод оценить «художников как таковых».

«Библейские циклы» Александра Иванова (они, главным образом, и составляют третьяковскую экспозицию) прежде всего отличаются совершенно неожиданным радикализмом. Для своего времени это должно было стать потрясением, сопоставимым по эффекту с самыми резкими попытками современных авторов инсталляций и перформансов. Религиозный сюжет Иванов использовал только в целях сугубо эстетических. Художника интересовала личность чело-

века в идеальных обстоятельствах, то есть обремененная не социальными или бытовыми связями, не окутанная романтическим флером, но предельно соответствующая самой себе. Предельность — вообще наиболее точное, как мне кажется, определение места Иванова в эстетических соотношениях времени. Герой Иванова, надбывовой, погруженный в мир идей, вместе с тем совершенно не соответствует романтическому канону. Это герой вне канона, совмещающий античные, романтические и еще много какие черты. То есть герой вообще, на все времена. В поисках образа которого всегда находится художник и который всегда по тем или иным причинам оказывается неуместен. Не случайно Александр Иванов был все же недооценен современниками и также недооценен потомками. Широко известно о знакомстве художника с Гоголем, как и о том, что писатель стал прототипом одного из персонажей «Явления Христа». На выставке можно увидеть графический эскиз с отчетливо узнаваемым профилем. Очень характерно, что именно Гоголь оказался Иванову столь близок. Они воплощают как бы разные грани одного творческого метода. Те черты действительности, которые Гоголь утрировал, Иванов идеализировал, и наоборот. Столь же близки взаимоотношения писателя и художника с религией. Взаимоотношения довольно конфликтные. Как заметил известный исследователь творчества Иванова Михаил Алленов, «ивановские росписи (имеются в виду эскизы для неосуществленного «храма науки») должны были стать истолкованием Библии в свете новейшей литературной учености». Гоголь также предпринимал попытки истолкования Библии, но, скорее, в свете «новейших народных представлений» о ней. Иногда эти крайние намерения оказывались очень сходными, о чем и свидетельствуют некоторые работы, представленные на выставке в Третьяковке.

По отношению к современным ему художникам Иванов находится в положении очень странном, как, впрочем, и Гоголь по отношению к современным ему писателям. Оба они — не хочется повторять трюизмы, но придется — опередили время. Иначе говоря, создали вокруг себя некий эстетический вакуум, их творчество не стало ни завершением какого-либо периода в искусстве, ни началом нового периода. А от всего их окружавшего очень сильно отличалось. Во всяком случае Иванов, человек петербургской академической школы, как и боль-

шинство ее прошедших, академией раздранный не удостоивался принятию в его время эстетику даже полемических выпадов. Он ее не замечал, и это было или, может быть, стало на историческом расстоянии абсолютно красноречивым, чем большинство выраженных словами.

Последнее и позволяет по контрасту сравнить его выставку с юбилейной экспозицией Сурикова. Пожалуй, главное открытие суриковской выставки в том, что этот художник является непосредственным (по хронологии) предшественником российских авангардистов. Суриков всего на тридцать лет старше Малевича и уж совсем ненамного старше Кульбина. Он принадлежал к поколению, которое увидело и оценило импрессионистов. Все это осталось за пределами живописи и графики Сурикова. Вероятно, есть какая-то логика в том, что своим учителем он называл Александра Иванова. Хотя трудно не заметить, что «вневременность», перешедшая от учителя к ученику, из драмы превратилась в фарс. Абрам Эфрос утверждал, что в Сурикове уживаются два человека — «один Суриков, а второй Василий Иванович». Так вот, Василий Иванович, похоже, где-то в глубине души осознавал не то чтобы комизм своего положения на фоне эстетических исканий его времени, но чувствовал некоторое неудобство. Про Пикассо он говорил: «Это для большой публики страшно, а художнику очень понятно». Такая выдающаяся трезвость оценки, пожалуй, характерна для человека, горящего о чем-то глубоко постороннем. Отстраненность вообще свойственна всем оценкам Сурикова, которые до нас дошли в переизданиях (статей он, кажется, не писал, только письма на бытовые темы), кроме его высказываний об Иванове. Нестеров вспоминал, как В.И. приехал в Румянцевский музей, где после разнообразных приключений была выставлена картина «Явление Христа народу», «за час-два до его закрытия и одинокий оставался перед картиной, словно желая увидеть в ней что-то, чего на ней нет, а потом уходил, пожимая плечами и ероша волосы». Если посетитель Третьяковской галереи сегодня и не будет пожимать плечами, переходя с выставки Иванова на выставку Сурикова, то уж несомненно, что понять недоумение и растерянность Василия Ивановича, так старательно учившегося у Иванова, он вполне сможет.

Юрий АРПИШКИН